

Полина Рей

НИКЧЕМНАЯ ЖЕНА

Полина Рей

Никчемная жена

«Автор»
2026

Рей П.

Никчемная жена / П. Рей — «Автор», 2026

- Ты сейчас назвал меня никчемной, Богдан, я права?Муж морщится - ему не нравится, что я увидела суть. - Заметь - это сказала ты, а не я! Я горько усмехаюсь. - А ты всего лишь перечислил мои недостатки - не родила детей, сижу у тебя на шее, даже волосы остригла, хотя ты любишь такие, как у твоей бывшей Я осекаюсь, когда вижу, что у Богдана загораются глаза. - Постой Дело ведь в ней? В этой твоей Бьянке? Муж вздыхает и отвечает с вызовом: - Нет, дело не в ней! Дело в твоей никчемности, Женя. Либо меняйся, либо я уйду! Он выскакивает из спальни, как ошпаренный, а я остаюсь с пониманием. Меня назвали никчемной женой. И я этого так не оставлю. Кому-то придется кусать локти, да будет поздно.

© Рей П., 2026
© Автор, 2026

Полина Рей
Никчемная жена

- Ты сейчас назвал меня никчемной, Богдан, я права?

Муж морщится - ему не нравится, что я увидела суть.

- Заметь - это сказала ты, а не я!

Я горько усмехаюсь.

- А ты всего лишь перечислил мои недостатки - не родила детей, сижу у тебя на шее, даже волосы остригла, хотя ты любишь такие, как у твоей бывшей…

Я осекаюсь, когда вижу, что у Богдана загораются глаза.

- Постой… Дело ведь в ней? В этой твоей Бьянке?

Муж вздыхает и отвечает с вызовом:

- Нет, дело не в ней! Дело в твоей никчемности, Женя. Либо меняйся, либо я уйду!

Он выскакивает из спальни, как ошпаренный, а я остаюсь с пониманием.

Меня назвали никчемной женой. И я этого так не оставлю.

Кому-то придется кусать локти, да будет поздно.

***

Я вернулась из салона в приподнятом настроении.

Пальцы сами тянулись к затылку - провести по коротким прядям, почувствовать, как воздух касается шеи. Непривычно и до дрожи приятно.

С мужем мы стрижку не обсуждали. Я знала: Богдану нравятся длинные волосы. Светлые, струящиеся, до задницы, чтобы запустить руку, намотать на кулак и…

Как вы понимаете, это была цитата мужа, которую я слышала не раз. Но мне такое вообще не нравилось, потому я и захотела сделать ему сюрприз. Такой, чтобы он увидел меня - и обомлел. Может, по-хорошему, а может, и нет.

Что-то внутри требовало перемен, и я решила прислушаться к самой себе.

Такси высадило меня у ворот. Я вышла и какое-то время просто постояла, вдыхая предвечерний воздух. После чего шагнула во двор.

Солнце еще не село - золотило верхушки туй, отражалось в окнах нашего дома. У нас был прекрасный коттедж, который муж выстроил сам, еще до нашего знакомства. Он делал его для семьи, а потом уже стал искать себе жену.

По воскресеньям мы пили кофе на огромной террасе с видом на сосновый лес, и я любила эти моменты совершенно по-особенному.

Машина Богдана стояла у самых ворот - я увидела ее и поняла, что подготовиться к вечеру, когда он бы вернулся домой, не успею. Агафонов уже дома, так что сюрприз будет прямо здесь и сейчас.

Я вошла в дом и приостановилась, прислушиваясь - ни звука. Обувь скинула у порога, поднялась наверх. Дверь в спальню была приоткрыта.

Богдан стоял возле открытого сейфа. Пиджак брошен на кровать, рукава рубашки закатаны до локтей. Он перебирал папки, что-то бормотал себе под нос, на лбу залегла та складка, которую я называла «штормовое предупреждение». Меня не заметил, что пока было к лучшему. Потому что хоть это и было иррационально, но мне захотелось развернуться и уйти, пока я оставалась вне зоны видимости для мужа.

Сердце отчего-то заколотилось, но я уговаривала себя: обернется - и удивится. Увидит меня новую, легкую, ту, какой я себя и ощущала. Я не стану ничего объяснять - просто молча покажу. В конце концов, прическа - дело каждого. И только мне выбирать, как стану выглядеть, не так ли?

Агафонов вытащил какой-то конверт, швырнул обратно. Потом резко выпрямился, захлопнул дверцу сейфа и развернулся ко мне.

Я улыбнулась - глупо, наверное, - и медленно повернулась вокруг своей оси. Показала затылок, висок, короткие прядки. Сделала шаг вперед.

И увидела его глаза.

Там не было ни удивления, ни восхищения. Только холод. Такой, что у меня улыбка сползла быстрей, чем я успела что-то сказать.

- Женя, - произнес он ровным, каким-то чужим голосом. - Хорошо, что ты пришла. Я как раз хотел с тобой поговорить.

Я молчала, понимая, что ничего хорошего в этом самом разговоре содержаться не будет. Но у меня не было ни единого предположения на тему того, что же может объявить мне муж.

- Я устал, - Богдан скрестил руки на груди, прислонился к стене плечом. - Меня перестало устраивать то, как мы живем.

Он говорил и не смотрел на меня. Отводил взгляд, как будто в его глазах я могла прочесть нечто большее, чем та информация, которую он облекал в слова.

- Ты деградируешь, Женя. Сидишь дома. Из развлечений - только спортзал и кафе с подругой. Детей у нас нет, и это сильно усложняет мое к тебе отношение.

Каждое слово было таким… осязаемым и тяжелым, что мне показалось, будто они все превратились в камни и падали, падали, падали на меня сверху.

- Ты сейчас назвал меня никчемной, Богдан, я права? - послышался мой приглушенный голос, который показался чужим прежде всего мне самой.

Муж поморщился и поджал губы. Красивой формы, четко очерченные, которые я столько раз целовала… И почему я сейчас вообще обращаю на это внимание?

- Заметь - это сказала ты, а не я! - отрезал он.

Я горько усмехнулась. В горле запершило от той обиды, которая поднималась из самого нутра.

- А ты всего лишь перечислил мои недостатки - не родила детей, сижу у тебя на шее, тупею. Даже волосы остригла, хотя ты любишь такие, как у твоей бывшей…

Про прическу он ничего не говорил, это я присовокупила сама. А уж про бывшую и вовсе вырвалось помимо воли.

Я осеклась. Потому что в этот момент у мужа загорелись глаза. Не от гнева - от узнавания. Так смотрят, когда в случайном слове находят подтверждение собственным мыслям.

- Постой… Дело ведь в ней? В этой твоей Бьянке? - выдохнула с неверием, и меня словно ледяной водой окатили.

Сейчас Агафонов перекладывал на меня и мои «недостатки» вину за то, что он захотел другую. Я ведь все верно поняла?

Богдан вздохнул. И ответил с вызовом, будто я получила то, на что напрашивалась:

- Нет, дело не в ней! Дело в твоей никчемности, Женя. Либо меняйся, либо я уйду!

Развернулся и вышел из спальни. Быстро, как ошпаренный. А я осталась стоять.

Меня назвали никчемной женой. Причем на ровном месте… Требованием Богдана, когда мы говорили о свадьбе, был тот момент, чтобы его жена была дома, занималась тем, что он называл надежным тылом. Я могла искать себе любое хобби, но не работать.

А дети… Мы не торопились с ними - и хотя за восемь лет совместной жизни я так и не забеременела, для нас, как мне казалось, это не являлось проблемой. У Агафонова уже есть взрослый сын от первого брака. А наши наследники будут позже. Мне тридцать три, Богдану тридцать восемь… Мы все успеем.

И вот оно - то, что сейчас накрыло будто лавиной.

Никчемная жена…

Я этого так не оставлю.

Кому-то придется кусать локти. Но будет уже поздно!

***

Вечером я не спустилась к ужину.

Не потому, что боялась столкнуться с мужем, просто садиться с ним за один стол и делать вид, будто ничего не случилось, казалось чем-то унизительным. Только не после того, что он сказал. Пусть ужинает в одиночестве. Или не ужинает - мне было все равно.

Я сидела в спальне, скрестив ноги по-турецки, на огромной кровати, которую мы купили в итальянском салоне четыре года назад. Тогда Богдан долго выбирал матрас, заставлял меня ложиться и переворачиваться, спорил с консультантом о жесткости. Я помнила, как смеялась, глядя на его серьезное лицо. Как он подмигнул мне, когда консультант отошел за каталогом. Теперь эти воспоминания казались чужими. Будто не со мной все это было.

Я взяла телефон и открыла контакты. Машка - подруга, с которой мы встречались в кафе раз в неделю. Которая знала меня еще до Богдана, когда я была просто Женей, а не госпожой Агафоновой. Она бы выслушала, ахнула бы в трубку, возмутилась, назвала бы мужа всеми словами, которые он заслужил. Стало бы легче. На час. Может, на вечер. И на этом все.

Потому я положила телефон обратно.

Во-первых, мне не хотелось никому рассказывать. То, что случилось, было слишком личным и слишком унизительным. Я прокручивала в голове его слова - «никчемная», «деградируешь», «либо меняйся, либо я уйду» - и каждый раз морщилась, будто от боли. Зачем мне свидетель? Зачем мне чужое возмущение, чужое сочувствие? Оно не изменит главного: мой муж считает, что я пустое место.

Во-вторых… я поняла, что хочу справиться сама. Без советов, без жалости. Без «ой, Женечка, какой же он козел». Потому что если сейчас наберу Машку, то всю ночь проговорю, проплачу, выплесну - а наутро останусь в той же точке.

Нет. Надо было действовать.

Я открыла ноутбук. За окном уже стемнело, туи превратились в черные силуэты. Какое-то время я вслушивалась в тишину, но быстро отвлеклась на строку поиска.

Что я вообще умею? За восемь лет брака действительно не работала ни дня. Богдан поставил это условием: жена - дома, ему был нужен надежный тыл. Я могла заниматься чем угодно - йогой, рисованием, благотворительностью, - но не работать. Я и не рвалась, если честно. Мне нравилось быть хозяйкой большого дома, нравилось встречать мужа с ужином, планировать наши совместные поездки. Я убедила себя, что этого достаточно.

Теперь это назвали деградацией.

Я пролистывала вакансии одну за другой. Менеджер по продажам. Администратор салона красоты. Оператор колл-центра. Все требовало опыта, которого у меня не было. Или образования - мой диплом филолога, полученный десять лет назад, не котировался нигде, кроме как в разговорах о литературе за бокалом вина. Я чувствовала, как растет внутри паника - тихая, липкая. Неужели Богдан прав? Неужели я правда никчемная?

А потом я увидела объявление.

Частный детский сад «Кубик-рубик» Именно так - не кубик Рубика, а «Кубик-рубик».

Им требовался помощник воспитателя, можно даже без опыта. Требования: любовь к детям, аккуратность, желание учиться. Зарплата скромная, но дело было вовсе не в деньгах.

Я перечитала объявление три раза и поймала себя на том, что улыбаюсь. Дети. Маленькие, шумные, с перепачканными ладошками. Я вспомнила, как возилась с племянником Машки, как он смеялся, когда я строила ему башню из кубиков. Как просил почитать сказку и засыпал у меня на плече.

В груди потеплело - это было что-то мое.

Я отправила резюме в час ночи. Приложила сопроводительное письмо - короткое, честное: «У меня нет опыта, но есть огромное желание. Я хочу работать с детьми и готова учиться

всему, что потребуется». Нажала «отправить», закрыла ноутбук и легла спать с чувством, что сделала что-то важное. Даже если мне в итоге и откажут.

Ответ пришел в семь утра. Я еще не встала - лежала, глядя в потолок, и думала о том, что сегодня суббота, и раньше мы с Богданом завтракали вместе. Теперь эта традиция казалась насмешкой. Но телефон пиликнул - и я потянулась к нему, жмурясь от яркого экрана.

«Евгения, доброе утро! Благодарим за интерес к нашей вакансии. Ждем вас сегодня к девяти для знакомства». А далее шел адрес. Оказалось, садик работал и по выходным!

Я села на кровати. Сердце забилось часто-часто. К девяти. Сегодня! Значит, не отказ. Значит, у меня есть шанс.

Я вскочила, накинула халат и прошлепала в ванную. Вода, зубная щетка, крем для лица - все делала на автомате, а в голове крутилось: «Я еду на собеседование. Я правда еду». Отражение в зеркале менялось: сначала заспанное, потом - сосредоточенное, а потом - почти счастливое. Короткие волосы топорщились на затылке, и я даже не пыталась их пригладить. Мне нравилось, как они смотрятся.

Я выбрала одежду тщательно. Не хотелось выглядеть ни слишком строго, ни слишком легкомысленно. Светлые брюки, мягкий джемпер кремового цвета, удобные балетки. Никаких каблуков - я знала, что в садике придется много ходить. Косметика - самый минимум: тушь, немного румян, прозрачный блеск для губ. Я смотрела на себя и видела кого-то другого. Не ту Женю, которая встречала мужа с ужином. А ту, которая едет на собеседование.

В семь тридцать утра! В субботу!

Я спустилась на кухню. В доме было тихо и как-то гулко, что ли, как бывает, когда все еще спят. За окном занималось утро - розовое, с легким туманом над соснами. Я сварила себе кофе, насыпала в пиалу мюсли, залила йогуртом. Ела, стоя у столешницы, глядя в окно. Вкуса почти не чувствовала - слишком волновалась.

- Женя.

Голос мужа застал меня врасплох. Я думала, что его нет. Думала, что он уехал еще раньше или вообще не ночевал дома. Но нет - Богдан стоял в дверях кухни - в домашних брюках, босиком, с чашкой кофе. Волосы взлохмачены, на щеке след от подушки. Видимо, ночевал в кабинете на первом этаже. Он смотрел на меня с любопытством, смешанным с какой-то настороженностью. Не ожидал увидеть жену при полном параде на заре.

- Куда ты так рано? - спросил он.

В голосе - легкая ирония. Так спрашивают, когда заранее знают, что ответ будет забавным.

Я допила кофе, поставила чашку в раковину. Вытерла руки полотенцем, не торопясь.

- На работу.

Повисла пауза. Богдан хмыкнул - негромко, но выразительно. Сделал глоток из чашки, продолжая меня разглядывать.

- На какую именно?

Он явно ждал, что я смущусь и начну оправдываться. Или признаюсь, что пошутила. В его картине мира Женя не могла найти работу, тем более - так быстро. И уж тем паче - без его ведома.

Я посмотрела прямо в его глаза и ответила:

- На ту, которую нашла.

После чего, не дожидаясь новой порции иронии, вышла в прихожую. За спиной повисла тишина. Богдан не пошел за мной, не окликнул. И это было к лучшему.

Я села в свою машину - небольшой белый кроссовер, который муж подарил мне на тридцатилетие. Тогда он сказал: «Чтобы ты не зависела от такси». Теперь эта фраза воспринималась иначе. Спасибо, Богдан, за то, что в своей «никчемности» я не осталась без средства передвижения. И то хлеб.

Садик находился на другом конце города, в районе новой застройки. Я ехала и смотрела, каким становится пейзаж: особняки сменились многоэтажками, туи - тополями, гладкий асфальт - дорогой, которая была не идеальна и ждала, когда ее финально отремонтируют после того, как здесь перестанут ездить грузовики.

Навигатор привел меня к двухэтажному зданию с яркой детской площадкой. На воротах - разноцветные буквы: «Кубик-рубик».

Заведующая, Лилия Валентиновна, встретила меня в холле. Это была женщина лет пятидесяти, по которой сразу можно было сказать - она увлечена своим делом на все сто процентов.

Лилия Валентиновна проводила меня в свой кабинет, усадила в кресло, предложила чаю. Я отказалась - слишком волновалась, да и в целом только и могла, что думать о предстоящей работе.

Заведующая задавала вопросы: почему я хочу возиться с детьми, что я умею, готова ли к тому, что это непростой труд. Я отвечала честно. Сказала, что у меня нет опыта, но есть желание. Что я долго была дома и теперь хочу заняться чем-то настоящим.

Лилия Валентиновна смотрела на меня, чуть склонив голову. Потом улыбнулась:

- Вы мне нравитесь, Евгения. Давайте попробуем с вами посотрудничать. Сегодня - ознакомительный день. Побудете в группе, посмотрите, как все устроено. Если вам и нам все подойдет - оформим договор.

Я выдохнула, только сейчас понимая, что задержала кислород в легких.

- Давайте! - ответила громче, чем того требовали обстоятельства, и Лилия Валентиновна разулыбалась еще сильнее.

В группе пахло яблоками и детским мылом. На полу лежал мягкий ковер, вдоль стен стояли низкие стеллажи с игрушками и книжками. Воспитательница, молодая девушка по имени Кира, показала мне, где что лежит, объяснила расписание. Дети - человек десять, от трех до пяти - косились на меня с любопытством, но не боялись. Одна девочка, худенькая, с двумя смешными хвостиками, подошла и дернула меня за брючину:

- Ты новая тетя? - спросила она.

Я присела на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

- Да. Меня зовут Женя.

Девочка серьезно кивнула и убежала. А у меня внутри что-то дрогнуло - и как будто бы по отношению к этой девочке зародилось какое-то свое тепло.

Я раскладывала кубики по цветам, когда дверь в группу приоткрылась и вошла Лилия Валентиновна. Она почему-то выглядела смущенной, а когда заговорила, я заподозрила неладное.

- Евгения, можно вас на минутку? К вам пришли.

Я не сразу поняла - кто мог прийти? Машка? Но она не знает, где я. Богдан? Не может быть. Откуда ему знать адрес?

Однако когда я вышла, оказалось, что именно Агафонов и ждал в коридоре. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел, как дети качаются на качелях на игровой площадке сада.

Я вышла, прикрыла за собой дверь и тут же потребовала ответа:

- Откуда ты знаешь, где я?

Богдан обернулся и пожал плечами, после чего просто растянул губы в улыбке, которая так и кричала: буду знать все места, куда ты направишься.

- У тебя в машине маячок, - сказал он спокойно. - Я посмотрел, куда ты поехала.

Маячок. Я и забыла. Богдан поставил его на все машины, когда в городе была волна угонов. Тогда это казалось заботой, сейчас же выглядело как слежка.

- Что ты здесь делаешь? - спросила я, хотя ответ уже знала.

- Приехал посмотреть, что ты называешь работой, - он обвел взглядом коридор: стены, увешанные детскими рисунками, низкие вешалки с курточками. - Женя, это несерьезно.

- Почему?

- Потому что это тебе не по статусу, - он понизил голос, хотя вокруг никого не было. - Моя жена не должна работать помощником воспитателя в частном садике за копейки. Это смешно. Если тебе так хочется работать - я могу устроить тебя в компанию на нормальную должность. А это…

- А это - то, что выбрала я сама, - перебила мужа. - И знаешь, Богдан, если я начну выбирать работу по статусу, а не по желанию, это ничего не изменит. Я буду сидеть в красивом кабинете, который ты мне найдешь, и уже на полном основании чувствовать себя никчемной. Плясать под твою дудку, когда ты повесил мне на лоб клеймо, - последнее, что стану делать.

Он прищурился. Складка «штормовое предупреждение» снова залегла на лбу. Я видела, что он раздражен, но вовсе не от того, что я работаю. А от того, что я не слушаюсь и проявила волю.

- Нет, Женя, ты все же подумай, - сказал он тихо, но жестко. - Подумай, как это выглядит со стороны. Жена Агафонова - и вдруг моет горшки в садике!

- Я не мою горшки, - ответила ему с улыбкой. - Я раскладываю кубики.

- Ты прекрасно поняла, что имеется в виду!

- Да, я поняла. Ты боишься за свою репутацию и так называемый статус. Только при чем здесь я?

Он замолчал и посмотрел на меня так пристально, будто увидел впервые. Я стояла перед ним - в простом джемпере, с короткой стрижкой, в детском саду - и не отводила взгляда. И что-то в его глазах проявилось окончательно. Какое-то недоумение, будто Агафонов до последнего сомневался в том, как именно я поступаю.

- Я тебя предупредил, - сказал он наконец. - Думай.

После этого муж просто развернулся и ушел, что было к лучшему. Что-то говорить ему я точно не желала. Внутри меня закипал самый настоящий азарт.

Богдан приехал сюда, чтобы меня остановить, но у него ничего не выйдет.

Кубики ждали меня - красные, синие, желтые. Простые и понятные. Не то что мужчины. Я присела на ковер и начала строить башню. Девочка с хвостиками подошла и села рядом.

- Давай вместе, - сказала она мне.

- Давай, - тут же согласилась я.

И в этот момент мне показалось, что все у меня получится.

Шаг за шагом я верну прежде всего себе самой ощущение, что я не никчемная.

А это - самое важное, что только может у меня быть в сложившихся обстоятельствах.

***

Дети заснули после обеда.

Это было то самое время, которое Кира называла «золотым часом». В группе воцарялась особенная тишина - не пустая, а наполненная ровным дыханием, едва слышным посапыванием, шорохом одеял. Я сидела в уголке, на низком пуфике возле стеллажа с книжками, и боялась пошевелиться, чтобы ничего не нарушить.

Кира ушла в методический кабинет - готовить план на следующую неделю. Я осталась одна. В группе было так славно, что мне даже на мгновение показалось, будто вернулась в детство. Солнце пробивалось сквозь жалюзи косыми полосками, рисовало на ковре световые дорожки.

Я достала телефон машинально, безо всякой цели. Хотела проверить время или, может быть, пролистать новости, но пальцы сами открыли заметки.

Передо мною был пустой белый лист, и я вдруг поняла, что он оказался у меня перед глазами не просто так.

Я никогда в жизни я не писала ничего, кроме постов в соцсетях, ну или сочинений в школе, но сейчас внутри что-то зудело, просилось наружу. Слова, которые я не сказала Богдану. Мысли, которые крутились в голове со вчерашнего вечера. Образы, что буквально кричали о том, что мне нужно переложить их «на бумагу». Пусть «бумага» эта вот такая - в заметках айфона.

Я коснулась клавиатуры - и вдруг начала писать.

Сначала медленно, подбирая слова, потом быстрее. Пальцы не поспевали за мыслями. Экран телефона стал маленьким, неудобным, но я строчила и строчила, будто кто-то диктовал мне изнутри.

«Он увидел ее в клубе. Музыка била по вискам, свет дробился на сотни осколков, но он узнал ее сразу - по изгибу шеи, по тому, как она встряхивала светлыми волосами…»

Я писала о мужчине, который случайно зашел в ночной клуб - по делам, не ради удовольствия, - и увидел на сцене танцовщицу. Она двигалась под ритм, извивалась всем телом, и он застыл, потому что узнал в ней свою бывшую.

Ту, что когда-то бросила его. Сказала, что он бесперспективный, что у него ничего не выйдет, что ей нужен кто-то получше. Простой парень из хорошей семьи ее не устраивал. Ей нужны были перспективы.

А он после расставания добился всего назло ей. Выстроил бизнес, купил дом, женился. Сделал все, чтобы доказать - она ошибалась. Но жену свою не любил - считал удобной. А потом и вовсе назвал никчемной.

И вот теперь, глядя, как его бывшая танцует на сцене клуба - уже не такая юная, не такая гибкая, но все с теми же светлыми волосами до задницы, - он понимал, что по-прежнему хочет ее. И ненавидит себя за это. И ненавидит жену - за то, что она не эта самая бывшая.

Я остановилась и перечитала.

Сердце ускорило ритм - на экране телефона было больше тысячи слов. Они сложились в историю - кривую, сырую, написанную на коленке, но живую. Нет, даже не в историю, а некий набросок к тому, что вскоре нужно будет доработать и довести до ума.

Это могло стать началом новой книги, той, которая станет моим вторым «я». Отзеркалит все, что чувствую.

Танцовщица со светлыми волосами. Мужчина, который назвал жену никчемной. Женщина, которую он когда-то любил и которая его бросила.

Это все было про нас. Про Богдана, про Бьянку, про меня. Только перевернуто, переплавлено в слова. Будто я вынула из себя кусок боли и переложила на экран.

Я немного подумала - и вписала вверху, над первой строкой, крупными буквами: «Измена».

Название было дано простое, как пощечина. Без прикрас, без метафор. То, о чем я не могла говорить вслух, превратилось в слово.

Где-то в дальнем конце группы завозилась девочка с хвостиками, потом еще кто-то закашлял. Сон-час заканчивался. Я быстро заблокировала телефон, сунула его в карман и поднялась. Пора было включаться в работу.

Остаток дня прошел как в тумане - но это было прекрасное чувство забытья. Мы с Кирой поднимали детей, одевали, вели умываться, потом кормили полдником. Я резала яблоки на дольки, раскладывала печенье по тарелкам, вытирала пролитый компот. Все это было простое, осязаемое, настоящее. Не то что слова Богдана - пустые и тяжелые одновременно. Здесь каждый шаг имел смысл. Каждая долька яблока была на своем месте.

Когда родители разобрали последних детей и в группе стало тихо, в дверь заглянула Лилия Валентиновна. Она уже не выглядела смущенной - напротив, улыбалась широко и довольно.

- Ну что, Евгения, - сказала заведующая, присаживаясь на край стола, - я поговорила с Кирой. Вы ей понравились, а дети вас приняли. Так что если вы не против - мы готовы оформить вас официально.

На лицо мое помимо воли наползла улыбка, и я спросила довольно глупо:

- Правда?

- Правда. Мне нужно, чтобы вы принесли документы. Паспорт, СНИЛС, диплом, медицинскую книжку, если есть. Если нет - подскажу, где сделать. Соберете по списку и приступите уже на постоянной основе.

Я кивнула и выдохнула не без облегчения. Мне тридцать три года, и меня приняли на работу. Не по знакомству, не потому, что я чья-то жена. А потому, что я - это я.

- Спасибо, Лилия Валентиновна, - выговорила, чувствуя, как голос предательски дрогнул. - Я обязательно все принесу. Завтра же.

- Вот и отлично. Ждем.

Она ушла, а я еще какое-то время стояла посреди пустой группы. Прижала ладони к щекам - они горели. Мне хотелось смеяться, плакать, позвонить Машке, рассказать ей все, бежать, лететь. Я справилась. Я сделала это сама!

Домой возвращалась в приподнятом настроении - почти как вчера из салона, только теперь без привкуса тревоги. В машине играла какая-то дурацкая попсовая песня, и я поймала себя на том, что подпеваю. В зеркале заднего вида мелькало мое лицо - румянец на щеках, глаза блестят. Я себе нравилась. Наверное, так выглядит счастье - без повода, без причины, просто от того, что ты на своем месте.

Вечером Богдан не приехал вовремя.

Я не ждала его к ужину. Сделала себе омлет, съела его перед телевизором, включив какой-то старый фильм. В доме было тихо. Я мысленно перебирала сцены из своей книги, думала, что напишу дальше. Может быть, описать ее - танцовщицу? Дать ей голос? Или показать жену, которая узнает об измене?

Я не заметила, как наступила ночь. Приняла душ, легла в кровать, поставила телефон на зарядку. Сон пришел быстро - сказался день, полный впечатлений.

Проснулась я глубоко за полночь.

Не от шума - от какого-то внутреннего толчка. Прислушалась. Снизу, с первого этажа, доносились шаги. Тяжелые, неровные - Богдан явно не старался быть тихим. Хлопнула дверца шкафа, потом что-то звякнуло - кажется, стакан о столешницу. Муж вернулся.

Я не встала. Не пошла выяснять, где он был и почему приехал так поздно. Просто перевернулась на другой бок, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза. Но в голове, прежде чем я провалилась обратно в сон, зафиксировалась мысль - как строчка в заметках, как еще одна деталь для книги.

Он вернулся глубоко за полночь, почти под утро.

И кажется, я знала, где он был.

***

Богдан покинул дом в ярости.

Хлопнула входная дверь, отсекая тишину особняка, но звон в ушах остался. Он сел в машину, ударил ладонями по рулю - раз, другой, - и выругался сквозь зубы.

Женя посмела посмотреть на него без страха и подобострастия. С короткими волосами, которые ей не шли совершенно, с этим новым выражением лица, которого он раньше не замечал. И главное - она все поняла.

Сразу.

Ткнула пальцем в самое больное место, даже не зная, насколько точным окажется ее попадание.

«Дело ведь в ней? В этой твоей Бьянке?» - так и звучали слова, сказанные его никчемной женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.